

Научная статья

УДК 004.8:347.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Кодиров Некруз Абдулмаджидович, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Международное право», Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан, nekkodirtj@mail.ru

Аннотация

Гражданская правосубъектность – один из тех нюансов правовой проблематики существования и развития технологий искусственного интеллекта, который с каждым годом становится все более актуальным. В современной науке, особенно в последние годы, активно обсуждается вопрос наделения гражданской правосубъектностью систем искусственного интеллекта, чему приводятся вполне убедительных аргументы, в том числе основанные на сопоставлении такого рода систем с юридическими лицами, традиционно признаваемыми субъектами гражданского права. Тем не менее, существует много спорных вопросов, связанных с решением указанной проблемы, по крайней мере, в рамках современного российского правового поля. В данной статье рассматриваются законодательные и подзаконные нормативные правовые основы существования и функционирования систем искусственного интеллекта, обсуждаются основные подходы к разрешению вопроса правосубъектности указанных систем, обосновывается авторское мнение касательно каждого подхода. Подвергается анализу проблематика правового регулирования ответственности за вред, причинённый в результате функционирования систем искусственного интеллекта (в контексте правосубъектности указанных систем). Обсуждается идея закрепления в рамках российского законодательства понятия «роботизированный агент», как субъекта гражданского права и

соответствующих правоотношений, а значит, и субъекта гражданской ответственности и обосновывается несостоятельность указанной идеи.

Ключевые слова: ГК РФ, информационные технологии, искусственный интеллект, квази-субъект, правосубъектность, роботизированный агент, система искусственного интеллекта, субъект гражданского права, юридическое лицо

Статья поступила в редакцию 25.06.2025, одобрена после рецензирования 20.08.2025, принята к публикации 03.11.2025.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PROBLEM OF CIVIL LEGAL PERSONALITY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Nekruz Kodirov, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Abstract

Civil personality is one of those nuances of the legal problems of the existence and development of artificial intelligence technologies, which is becoming more relevant every year. In modern science, especially in recent years, the issue of granting civil legal personality to artificial intelligence systems has been actively discussed, which is supported by quite convincing arguments, including those based on a comparison of such systems with legal entities traditionally recognized as subjects of civil law. Nevertheless, there are many controversial issues related to the solution of this problem, at least within the framework of the modern Russian legal framework. This article examines the legislative and subordinate regulatory legal bases for the existence and functioning of artificial intelligence systems, discusses the main approaches to resolving the issue of the legal personality of these systems, and substantiates the author's opinion on each approach. The problems of legal regulation of liability for harm caused as a result of the functioning of artificial intelligence systems (in the

context of the legal personality of these systems) are analyzed. The idea of consolidating the concept of a "robotic agent" as a subject of civil law and related legal relations, and therefore a subject of civil responsibility, within the framework of Russian legislation is discussed, and the inconsistency of this idea is substantiated.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, information technologies, artificial intelligence, quasi-subject, legal personality, robotic agent, artificial intelligence system, subject of civil law, legal entity

Введение

Проблематика искусственного интеллекта и в отечественном, и в зарубежном гражданском праве является относительно новой, тем не менее, она крайне остра и актуальна, особенно в контексте вопросов, связанных с признанием гражданской правосубъектности.

В настоящее время правосубъектность в рамках российского права признается лишь за человеком (физическим лицом) и объединениями людей (юридическими лицами). Что же касается искусственного интеллекта (объектов, являющихся носителями искусственного интеллекта), то за ними правосубъектность не признается. Однако вопросы, связанные с признанием их прав правосубъектности, активно обсуждаются в научной и философской литературе. Это представляется не случайно, ведь искусственный интеллект в определённой степени схож с интеллектом человеческим, особенно при принятии решений и совершении каких-либо действий, имеющих юридическое значение. Данное обстоятельство обостряет обозначенную выше проблему и требует её глубокого осмысления как в философском, так в научно-правовом и законодательном дискурсе.

Основная часть

Рассмотрение проблематики искусственного интеллекта в контексте признания правосубъектности целесообразно начать с норм Гражданского кодекса РФ [1] (ГК РФ), конкретизирующих данный вопрос. Судя по содержанию

соответствующих норм ГК РФ, прежде всего, ст.ст. 17 и 49, можно прийти к выводу о допустимости признания субъектами гражданского права исключительно физического лица (человека) и юридического лица (формального объединения граждан и (или) юридических лиц). Это означает, что в основе правосубъектности прямо или косвенно находится именно человек, личность, что обеспечивается соответствующими правами, обязанностями, ответственностью.

Очевидно, что в понимании российского законодателя лицо, являющееся носителем правосубъектности, обладает определённой автономностью, прежде всего автономностью воли. И в этом смысле ключевое условие, позволяющее признать лицо субъектом, - этим именно автономность, даже если она весьма ограниченная.

В научной литературе встречаются различные трактовки правосубъектности как в целом, так и применительно к гражданскому праву. Тем не менее, в целом упомянутые выше нормы раскрывают правовой смысл правосубъектности и дают её понимание как некоторой способности того или иного лица:

- существовать автономно в правовом поле государства;
- быть носителем прав и обязанностей;
- отвечать по своим обязательствам;
- защищать свои права и интересы.

Правосубъектность человека каких-либо сомнений не вызывает. Что касается юридических лиц, то об их правосубъектности в литературе ведутся некоторые споры, но в рамках данной статьи они не затрагиваются. В любом случае в основе правосубъектности юридического лица лежит правосубъектность человека (учредителя, руководителя), даже если человек имеет весьма опосредованное отношение к юридическому лицу. Поэтому в целом вопрос правосубъектности юридических лиц можно считать решённым, ведь

подход к этому вопросу государством выработан уже давно и реализуется на вполне понятных принципах.

Что же касается искусственного интеллекта, то относительно него вопрос правосубъектности ещё только находится в состоянии разработки. Хотя определённые нормативные положения действуют, они вызывают определённые проблемы и не дают однозначного понимания того, каким именно образом будут решаться вопросы правосубъектности в дальнейшем, по мере развития технологий искусственного интеллекта, которое, к слову, отличается стремительностью и несёт высокие риски и для России как государства, и для человечества (в глобальном масштабе).

Для изучения выбранной темы особо значимым является вопрос понимания сущности искусственного интеллекта в российском законодательстве. Данному аспекту уделяется внимание, хотя и небольшое. В Федеральном законе 24.04.2020 № 123-ФЗ искусственный интеллект трактуется как комплекс технологических решений, дающий возможность имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом комплекс технологических решений включает в себя:

- информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации);
- программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения);
- процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

В том же Федеральном законе представлено и определение технологий искусственного интеллекта, под которыми предложено понимать, в частности,

следующие основанные на использовании искусственного интеллекта технологии:

- компьютерное зрение;
- обработку естественного языка;
- распознавание и синтез речи;
- интеллектуальную поддержку принятия решений;
- перспективные методы искусственного интеллекта [2].

Некоторые моменты здесь вызывают определённый интерес. Во-первых, из представленного определения не совсем понятно, является ли самообучение обязательным компонентом каждой системы, базирующейся на искусственном интеллекте.

Во-вторых, круг перспективных методов искусственного интеллекта окончательно не определён, и думается, что он со временем будет расширяться, а это означает и тенденцию к постепенному расширению понятия «искусственный интеллект».

В-третьих, указанное определение искусственного интеллекта не отражает всей полноты этого феномена. То есть оно является несколько однобоким, что становится особенно очевидно, если обратиться к конкретизирующему терминологическую составляющую искусственного интеллекта Национальному стандарту «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» [4].

Указанный Национальный стандарт в целом дублирует определение термина «искусственный интеллект» и раскрывает его составляющие, а также вводит некоторые дополнительные термины, дающие более конкретные представления об искусственном интеллекте. В п. 3.40 система искусственного интеллекта (СИИ) трактуется как «техническая система, в которой используются технологии искусственного интеллекта».

В п. 3.3 Национального стандарта раскрыто содержание одной из важнейших характеристик СИИ – автономность, отражающая способность

самостоятельно (без участия человека) выполнять возложенные на нее функции на протяжении заданного времени и с заданными показателями:

- качества,
- надежности,
- безопасности.

Причем СИИ, являющиеся автономными, согласно примечанию к п. 3.3, подлежат обязательному контролю или надзору со стороны человека.

В п. 3.2 Национального стандарта представлено определение автоматической системы, под которой понимается «совокупность управляемого объекта и автономной СИИ, функционирующая самостоятельно, без участия человека».

Таким образом, российским регулятором усматриваются, как минимум, три объекта:

- непосредственно искусственный интеллект;
- СИИ;
- автоматическая система

Отсюда возникает вопрос о том, что из перечисленного может быть наделено правосубъектностью в случае положительного решения этого вопроса? Думается, что речь должна вестись исключительно об автоматической системе.

В то же время, однозначный ответ на этот вопрос вряд ли можно дать, ведь разграничить указанные феномены в практической плоскости может быть крайне сложно или даже невозможно, в отличие от нормативного (формального) разграничения, особенно учитывая возможность функционирования искусственного интеллекта (систем, основанных на искусственном интеллекте) в рамках интернет-пространства.

Нет и общепринятого взгляда на решение вопроса автономности. Так, в указанном Национальном стандарте не конкретизируется, о какой именно автономности ведётся речь – полной или частичной. В этой связи. П. М. Морхат, указывает на возможность признания искусственным интеллектом

самоорганизующейся компьютерно-аппаратно-программной виртуальной или киберфизической системы, которая обладает как полной, так и частичной автономностью. Причём в определении указанного автора конкретно подчёркивается комплексность характеристик искусственного интеллекта мыслить, самоорганизовываться, обучаться, принимать решения самостоятельно [11, с. 69].

Более того, указанный автор не упоминает о таких аспектах, как функционирование СИИ на протяжении заданного времени в соответствии заданными параметрами качества, надёжности, безопасности, что представляется более верным с точки зрения реалий развития СИИ, ведь нельзя исключить, что отдельные СИИ могут в своём функционировании не отвечать определённым параметрам качества, надёжности, безопасности. В конечном итоге до определённого момента об указанных характеристиках невозможно судить: система объективно может считаться безопасной, надёжной, качественной до того момента, пока в результате её функционирования не возникла реальная опасность, не причинён какой-либо вред. И в этом смысле, например, безопасность – лишь условная характеристика, которая может быть весьма необъективной.

Учитывая возможность самообучения и мышления аналогично человеку, соответствующие характеристики, касающиеся надёжности, качества, безопасности, тоже могут меняться. Поэтому их объективная оценка тоже представляется сомнительной. Отсюда автономность не обязательно может характеризоваться качеством, надёжностью, безопасностью. Указанные характеристики являются лишь желаемыми. Думается, что для признания автономности достаточно лишь наличие способности и (или) возможности функционирование без участия человека. И такое функционирование вполне может быть некачественным, ненадежным, опасным.

С учетом указанных нюансов, президентским Указом от 10.10.2019 № 490 было запрещено делегирование системам искусственного интеллекта

ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений. При этом подчеркнуто, что ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с российским законодательством [3].

Таким образом, был однозначно решён вопрос относительно правосубъектности: признана недопустимость наделения СИИ таким свойством, что вполне обоснованно.

В научной литературе мнения касательно решения вопроса правосубъектности СИИ расходятся и условно можно выделить три подхода:

- приравнивание СИИ по статусу физическому лицу;
- приравнивание СИИ к юридическим лицам [6, с. 90; 5, с. 157; 9, с. 63].

Особенно интересным представляется идея Д. Гришина о введении в российское законодательство понятия роботизированного агента (робота-агента), под которым предлагается понимать робота, который по волеизъявлению собственника и в силу конструктивных особенностей:

- предназначен для участия в гражданском обороте;
- имеет обособленное имущество;
- отвечает по своим обязательствам указанным имуществом;
- может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [7].

А. В. Афанасьевская указанный подход, целью которого является приравнивание СИИ к юридическим лицам, расценивает как наиболее приемлемый, в том числе с точки зрения российского законодательства [6, с. 90], что, однако, весьма спорно.

Интересное мнение высказали Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис: «Проблемный вопрос о возможности или невозможности признать роботов

субъектами права в значительной степени связан с появлением поколения автономных роботов, способных к самообучению. В первую очередь, возникает потребность в правовой оценке ситуаций, когда действия робота приводят к нанесению вреда (деликту)... Но дело в том, что с технической точки зрения сами понятия «автономность робота» и «самообучение робота» означают отсутствие стопроцентной предсказуемости его поведения. Следовательно, возможна ситуация, когда установить прямую связь между действиями производителя или пользователя и тем вредом, который причинил робот, крайне сложно.» [8, с. 41]. Изложенное означает, что рассматривать однозначно разработчика и владельца СИИ может быть не вполне обоснованно. Помимо того, решение о целесообразности надления СИИ статусом субъекта право тоже весьма сомнительное.

Указанные авторы предлагают в качестве альтернативы применить уподобления роботов субъектам, признав их «как бы субъектами права» (квази-субъектами). Такое решение базируется, в частности, на п. 2 ст. 124 ГК РФ, согласно которому, публично-правовые образования уподобляются юридическим лицам [8, с. 45].

В. А. Лаптев высказывает предположение о том, что в будущем в XXII веке возможно признание искусственного интеллекта, способного совершать цифровые действия – решения (как с их материализацией в реальном мире, так и без таковой), субъектом права. Пока же это объект права [10, с. 97–99].

То есть пересмотр вопроса правосубъектности в некотором смысле – это вопрос времени. Возможно, в новых реалиях статус соответствующих систем будет пересмотрен. Особенно это представляется реалистичным в том случае, если исследуемые технологии выйдут на принципиально иной уровень, когда их автономность будет существенной.

Однако изложенное не означает, что проблема правосубъектности будет решена, даже когда соответствующие СИИ (роботы) будут признаны субъектами (квази-субъектами). Обозначенная проблема правосубъектности осложняется,

прежде всего, необходимостью решения проблемы ответственности, а последнее – «осложняется также и тем, что затрагивает такие важные блага, как жизнь и здоровье» [Тютчева, с. 54]. И поскольку по объективным причинам осознание указанных ценностей искусственному интеллекту недоступно, о признании роботов субъектами права неуместно. Вопрос же о их приравнивании их к юридическим лицам, как нам представляется, требует дальнейшего обсуждения.

Заключение

Очевидно, что российское законодательство ещё нуждается в совершенствовании в вопросах, связанных с правовым регулированием статуса систем искусственного интеллекта и управляемых такими системами объектов. Несмотря на то, что в настоящее время в органах законодательной власти вопрос о признании правосубъектности применительно к искусственному интеллекту не стоит, в науке и философии он активнейшим образом обсуждается, что не случайно.

Думается, что взгляды, исходя из которых разработчики и владельцы автономных систем, наделённых искусственным интеллектом, несут ответственность, будет в скором времени пересматриваться, особенно учитывая определённую неподконтрольность таких систем и способность к самообучению.

Подводя итог, автор считает возможным подчеркнуть несостоятельность идей, в рамках которых управляемый средствами СИИ автономный объект (робота) предлагается приравнять в статусе к физическому лицу. Между тем, вопрос о наделении таких объектов характеристиками субъекта или квази-субъекта ещё должен обсуждаться. В любом случае даже квази-субъектность роботов должна базироваться на субъектности тех лиц, которые их разрабатывают, владеют ими и используют их.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
4. ГОСТ Р 59277-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 23.12.2020 № 1372-ст) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Архипов В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
6. Афанасьевская, А. В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4(141). С. 88–92.
7. Бойко А. Дмитрий Гришин представил проект регулирования правового статуса роботов в России // RoboTrends. 17 дек. 2016. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 20.05.2025).

8. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
9. Ирискина Е. Н. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63–72.
10. Лаптев, В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
11. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
12. Тютчева Е. С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2(12). С. 50–58.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Federal`ny`j zakon 24.04.2020 № 123-FZ «O provedenii e`ksperimenta po ustanovleniyu special`nogo regulirovaniya v celyax sozdaniya neobxodimy`x uslovij dlya razrabotki i vnedreniya texnologij iskusstvennogo intellekta v sub`ekte Rossijskoj Federacii - gorode federal`nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmenenij v stat`i 6 i 10 Federal`nogo zakona "O personal`ny`x danny`x"» // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 (red. ot 15.02.2024) «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacional`noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda») // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. GOST R 59277-2020 «Nacional`ny`j standart Rossijskoj Federacii. Sistemy` iskusstvennogo intellekta. Klassifikaciya sistem iskusstvennogo intellekta» (utv. i

vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 23.12.2020 № 1372-st) // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Arhipov V. V. O nekotory`x voprosax teoreticheskix osnovanij razvitiya zakonodatel`stva o robototexnike: aspekty` voli i pravosub`ektnosti // *Zakon*. 2017. № 5. S. 157–170.

6. Afanas`evskaya, A. V. Pravovoj status iskusstvennogo intellekta // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. 2021. № 4(141). S. 88–92.

7. Bojko A. Dmitrij Grishin predstavil proekt regulirovaniya pravovogo statusa robotov v Rossii // *RoboTrends*. 17 dek. 2016. URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (data obrashheniya: 20.05.2025).

8. Gadzhiev G. A., Vojnikanis E. A. Mozhet li robot by`t` sub`ektom prava? (poisk pravovy`x form dlya regulirovaniya cifrovoj e`konomiki) // *Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. 2018. № 4. S. 24–48.

9. Iriskina E. N. Pravovy`e aspekty` grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichinenie vreda dejstviyami robota kak kvazisub`ekta grazhdansko-pravovy`x otnoshenij // *Gumanitarnaya informatika*. 2016. № 10. S. 63–72.

10. Laptev, V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost` za ego rabotu // *Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. 2019. № 2. S. 79–102.

11. Morxat P.M. *Iskusstvenny`j intellekt: pravovoj vzglyad*. M.: Buki Vedi, 2017. 257 s.

12. Tyutcheva E. S. Pravosub`ektnost` «e`lektronnogo licza»: teoreticheskij analiz // *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya*. 2022. № 2(12). S. 50–58.